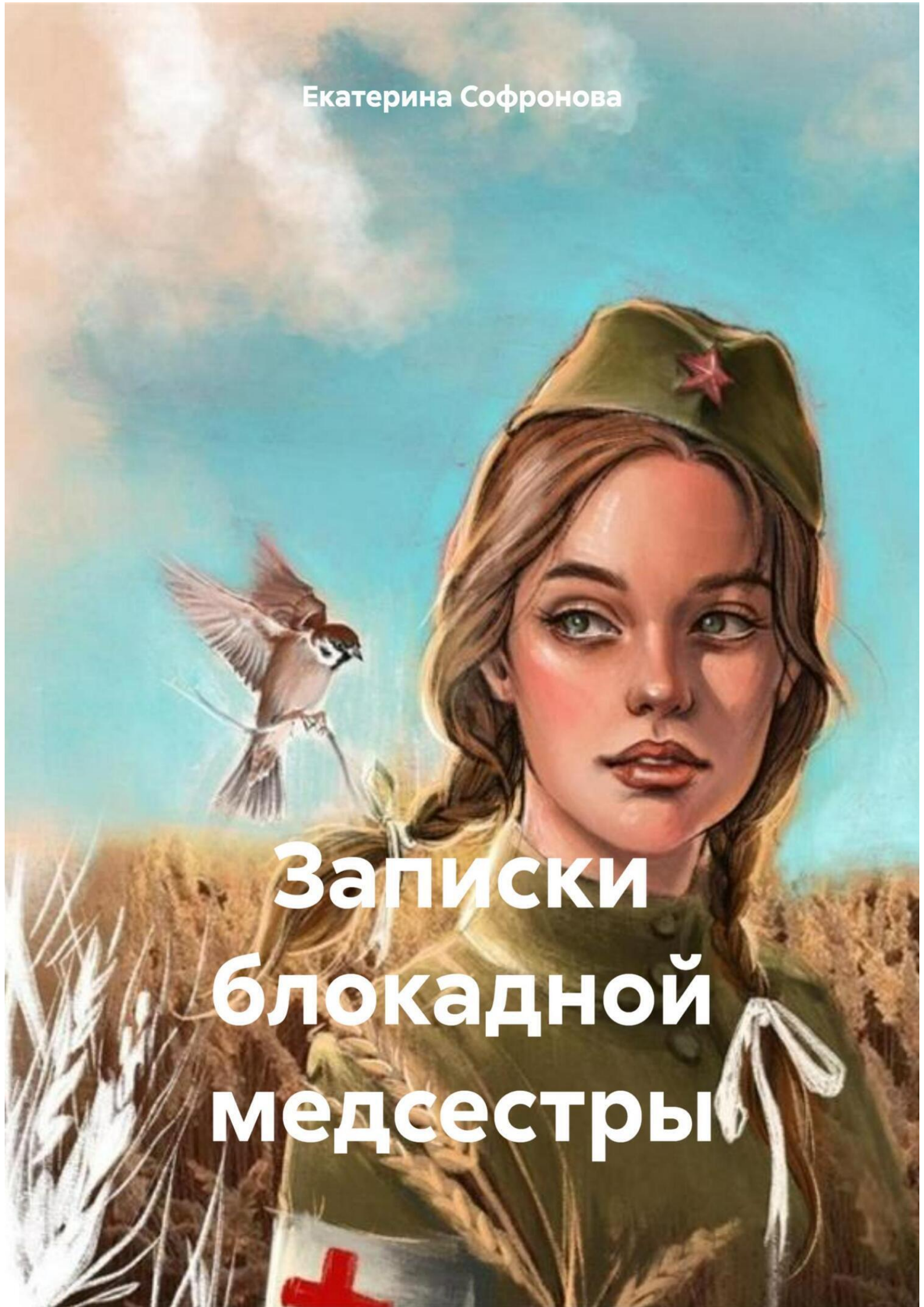

Екатерина Софронова

Записки блокадной медсестры

Екатерина Софронова

Записки блокадной медсестры

«Автор»

2024

Софронова Е. В.

Записки блокадной медсестры / Е. В. Софронова — «Автор»,
2024

Только закончено обучение в медицинском техникуме. Разве не чудное начало молодой жизни? Ксения так же думала. Молодая медсестра, самое время для того, чтобы изучать что-то новое, искать приключения и набираться опыта. Но только война вмешалась в ее жизнь, заставляя повзрослеть в кратчайшие сроки...Как же сложится жизнь уже блокадной медсестры? Самое время узнать это, вновь окунувшись в события того нелегкого времени

© Софронова Е. В., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава I: Спокойное время и внезапная война. Начало блокады.	7
Глава II: Блокада...	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Екатерина Софронова

Записки блокадной медсестры

Пролог

На дворе знойное лето 2010 года. Прекрасная пора, жара не спадала даже ночью, но она же закончилась для меня плачевно. Потеря дедушки стала тяжелым бременем. И пришла пора разобрать старые его вещи, находящиеся в деревенском домике, где жила моя бабушка. Она наотрез отказалась переезжать, аргументируя тем, что они вместе с бабушкой построили этот дом, значит и она, как и он, умрет тут же. Но вещи разобрать старая женщина не могла сама. Поэтому я вызвалась ей помочь. Просто не хотела, чтоб ее еще больше эта ситуация добила психологически. Сама я к тому моменту уже являлась студенткой медицинской академии. Поступила несколько лет назад, после окончания колледжа на отделении сестринского дела. Это лето стало наиболее спокойным, практика в больнице оказалась недолгой и быстро пролетела. Приехав в августе домой, я там провела недели две, и сразу же отправилась в деревню к своей бабушке. Она знала, что я приеду, поэтому и была очень рада меня видеть. Ехать было довольно таки далеко. Деревня была под Санкт-Петербургом, а живу я в Подмосковье. Родители далеко, за Уральскими горами. Я не желала оставаться в своем родном городке и, благодаря своим знаниям и умениям, прекрасно сдала экзамены. А поступление было куда проще, потому что все было сдано на высшие баллы. Я даже не отслеживала, как проходил конкурс на поступление, но в конце моего последнего детского лета уже стояла на пероне, ожидая свой поезд до столицы. Многое из дороги к бабушке особо не помнится, ведь большую часть дороги удалось проспать.

Участок, принадлежащий моим прауродителям, практически не изменился – тот же невысокий заборчик из дерева, которое из-за времени выцвело, ограждал его от общей улицы. Домик из белого кирпича уже покрылся грязью и выглядел менее опрятно, чем оставался в моей памяти юности. Ранее бабушка убирала его, вымывая тщательно. Это здание будто бы светилось среди остальных черных, кирпичных или деревянных домишек, стоящих рядом. Огород зарос, ибо так же перестали ухаживать за ним. Мою бабушку подбила потеря родного человека, с которым она провела бок о бок 70 лет, в прошлом году они справили юбилей.

Как я зашла в домик, она подошла, дабы встретить меня. Практически сразу же оказавшись в объятиях старой женщины, которая едва дотягивала до подмышек мне, радости не было предела. Уж очень я любила и ее, и покойного дедушку, и каждое лето проводилось здесь. Каждая стенка влекла свои воспоминания, дальше уводящее в мое детство и юность, которые вернуть было уже невозможно.

Примерно после обеда, от которого отказаться не удалось – бабушка бы не пустила, я пошла в комнату покойного. Да, там и вправду ничего не изменилось. Похоже даже, что туда не заходили прям с смерти хозяина. Ничего не сдвинуто с своего места, не изменило свой внешний вид. Я решила не тянуть с этим, а бабушка только поддержала мой настрой, желая закончить с этим быстро и не ворошить свои раны изнутри. Перебирать вещи было интересно, ведь можно было посмотреть на старые фотографии, документы, которые сейчас уже не являлись действительными. В общем, целый клад для поисков следов далекого советского времени. Я достала коробку, она показалась мне чем-то интересным, и я не прогадала. Там лежала армейская форма, остатки от оружия, и так же некоторые книги, журналы и тетради, которые по размерам могли сравниться и с книгой. Одна из тех тетрадок была уж очень потрепанной, чем и привлекла внимание. Достав ее от остальных, я аккуратно стерла пыль и открыла на первой странице. Был какой-то странный почерк, явно женский и каллиграфический, с различными закорючками да завитками. Я посмотрела на бабушку, показав книгу. Она подошла ко мне

и села рядом, вновь беря ее в руки и читая. Несмотря на время, тетрадь сохранилась очень хорошо, лишь листы немного пожелтели, но это не мешало прочесть ее.

– Что это за тетрадь?, – спросила я бабушку, взяв ее назад в свои руки и читая первые записи. – Чья она? Почерк совершенно не похож на дедушкин.

– Это записи его близкой подруги и любимой девушки его брата. Она тоже уже на том свете, погибла в 1944 году, – бабушка не смогла сдержать слезу, вспоминая все, что было. – Ее звали Ксения Александровна, она на тот момент, когда все это писала, была медицинской сестрой. В то время, как ты можешь догадаться по датам, была Великая Отечественная война. Как и твой дедушка со своим братом, она отказалась покинуть этот город, оставаясь на его защите со стороны медицины и помощи мирному населению. Можешь почитать, если интересно. Она будет твоей.

Записи и вправду были достаточно интересными, ведь писались реальным человеком, свидетелем той войны. И кто же может рассказать больше, чем именно такой человек? Так еще и ее коллега по званию. А в то время, во время войны, даже медицинские сестры знали прикладную медицину на уровне нынешних хирургов, если не лучше, могли самостоятельно проводить некоторые операции, с легкостью зашивать ранения.

Разбирать вещей было не так уж и много, поэтому закончили разбирать довольно быстро. Да, многое, что я там увидела, знала еще при жизни дедушки. Он часто показывал мне из своей молодости различные вещи, книги, аксессуары или элементы формы. Многие просто были где-то далеко в памяти запряганы, а что-то даже и не вспоминалось, ибо прошло много времени. Некоторые вещи я помнила лишь тактильно, на вид же они казались совершенно неизвестными.

Но вот, я осталась одна в комнате дедушки. Решив вспомнить, каким же видел его, когда он был чем-то очень увлечен, я села за рабочий стол, принадлежащий ему, и стала читать. Вам же повествование буду вести от первого лица, чтоб вы, как и когда-то я, ощутили себя буквально бок о бок с ней, героиней своего рассказа...

Глава I: Спокойное время и внезапная война. Начало блокады.

«...Шел тихий, мирный сороковой год двадцатого столетия. Мой журнал, который я веду примерно с начала отчетности по прохождении практического обучения, стал практически моими личными записками. Порой я могу сюда внести и свои потаенные мысли, которыми не делюсь даже с самыми близкими людьми...»

Рука перестала водить ручкой по листам бумаги, потому что поток мыслей был прерван внезапным приходом профессора.

– Лебедева, опять ты в облаках витаешь?, – тут же раздраженно произнес, будто отрезая, мужчина лет сорока пяти, который недавно пришел в сестринскую городской больницы имени В.И.Ленина города Ленинграда. – Ты же понимаешь, что тебя ждут пациенты. То, что это твои последние месяцы обучения, не дает права халатно относиться к больным.

– Так точно, Владимир Петрович, – довольно таки быстро отозвалась я и, накинув на плечи свой халат, который был мне по колено, тут же быстрым шагом покинула помещение для отдыха, отведенное среднему и младшему медперсоналу.

Да, шаги по чистому, недавно вымытому кафельному полу раздавались четко, будто оповещая заранее, что в сторону палат кто-то да идет. Густые волосы теплого каштанового оттенка были убраны в аккуратный хвост; глаза цвета сложного, что-то среднее между теплым карим и зеленоватым, а весь образ дополнялся черными очками. Из-за такой внешности девушка не выглядела на свои полные 17 лет, такому восприятию еще способствовал небольшой рост медсестры, который составлял около ста шестидесяти сантиметров. Хрупкая внешность не складывалась с ее характером и нравом. Девушка была очень вспыльчивой и эмоциональной, могла разозлиться просто с мелочей. Но, когда это по-настоящему требовалось, она старалась действовать рассудительно и не подпускать свои эмоции к принятию решений.

Сама больница была не особо большой, но и не маленькой. Да, примерно 3 этажа, кафельный пол, стены были тоже чистыми, на них даже не было ни пятнышка. Хотя народ там водился разный. Могли и просто по неловкости чем-то испачкать, а могли и в припадке испортить. Но студентов, проходящих практическое обучение на такой крупной точке, как городская больница, не отправят к таким пациентам. Поэтому и работали они на этаже так 3, где были самые тихие и спокойные люди. Чаще всего это были отделения плановой медицины. Пациентам требовался особый уход, зависящий от ситуации, что помогало посмотреть на подготовку обучающихся. Тут и люди до операций, и отходящие от хирургического или иного вмешательства врачи. Разные попадались люди, лежащие в этом учреждении. Кто был рад увидеть молодые лица, а кто и в шею мог прогнать от себя, не подпуская даже близко.

Меня особо не пугало такое отношение пациентов ко мне. Я здесь ради одной цели – помочь им или, коль первое становится невозможным из-за состояния больного, хотя бы облегчить страдания. Это стало главным для меня, и я решила связать свою жизнь с людьми. Да, чисто благородные цели ставились. Меня не интересовали ни деньги, не власть. Это не имело значения. Благостно само спокойствие за состояние пациентов.

Но дойти до первого из тех, кого мне следовало проверить, мне не дали. Я столкнулась с хирургом, который пил кофе, стоя у поста дежурного врача. Видимо, операцию провел и может немного отдохнуть. Многие работники и так знали меня – я совмещала учебу в техникуме с работой в этой больнице. Самое трудное время было тогда, когда приходилось совмещать работу и практическое обучение. Вот там приходилось работать немного больше. Но ничего страшного в этом мне не виделось. И вот, тот врач меня окликнул, лишь заметил мелькнувший хвостик в сторону палат. Это был брат моего отца и мой родной дядя, Юрий Михайлович.

– Эй, медсестренка!, – ласково обратился ко мне хирург. – Опять останешься на сутки, а, Ксень?

– Я еще думаю, Дядь Юр, – все же остановившись, я решила хотя бы парой слов перекинуться с ним. – А что вы так беспокоитесь?

– Да оставайся, мелочь, с тобой хотя бы будет весело, – похлопав меня по плечу, он рассмеялся и продолжил. – В шахматы с тобой сыграем, а? Я же должен отыграться у тебя.

– Ладно-ладно, уговорили, – я сама не сдержала улыбку, слыша его добрый смех. – Но это только ради шахмат. И даже не думайте, что я буду вам поддаваться. А теперь, позвольте, меня ждут пациенты, которых вы оперировали.

Специально наигранно произнеся последнюю фразу, я помахала рукой и пошла дальше. Как бы то ни было, но работенка не ждет. Быстрым шагом приблизившись к нужной палате, я прошла внутрь. Да, было светло, в окнах плыли редкие облака на лазурном небосводе. Палата была наполнена солнечным светом. Да, лето было тогда теплое, прям тянуло на улицу. Первый месяц уже практически подошел к концу. А завтра у меня был выходной. Как же хотелось пойти на речку покупаться. Но сейчас надо было думать о другом. Пациент еще не пришел в себя после наркоза, поэтому я просто проверила его данные, посмотрела пульс и дыхание. В целом, эта работенка не пыльная. Минут через 15 я вновь все записала и вышла из палаты. Да, порой такие пациенты казались скучны, но я то знаю, что, когда они придут в себя, им надо, чтоб кто-то да был рядом. Иначе люди просто пугаются и не могут найти себе места, начиная нервничать.

День прошел без происшествий. Все пациенты были в пределах нормы, с некоторыми я даже смогла побеседовать. Они частенько просили меня хоть ненадолго, но оставаться. Да любому надоест лежать целые сутки, порой в полной тишине, смотря в окно. Конечно, когда видишь живую душу, охота поговорить, узнать новости да и просто пообщаться. Поэтому я никогда не отказывалась, коль кто-либо меня просил задержаться. Да у нас же еще и не только люди в возрасте лежали. Молодые люди, девушки так же мечтали развеять себя беседой. Часто можно было услышать, как кого-то застукали вне палаты в тот же сончас, и тут же провинившихся отчитывали старшие медицинские сестры и врачи.

Заняв место на посту дежурного врача только ближе к полуночи, я устало посмотрела на часы. Да, еще долго до окончания моей смены, но сама позволила себя уговорить. Глаза нещадно слипались, а из-за ночной тишины и спокойствия больницы только больше клонило в сон. Да, все же моя усталость сказывалась только больше, но радовал тот факт, что летняя практика завтра уже закончится, и я вернусь к своей обычной жизни, продолжая здесь находиться, только будучи работником, а не студенткой, проходящей практическое обучение. Сон быстро украл меня в свои владения, давая тот недостающий отдых. Но, к сожалению, мне дали поспать примерно часа 2. Потом я услышала шепот и быстро вскочила с места. Плед, которым меня укрыли, слетел тут же на пол. Немного придя в себя, я заметила смеющегося хирурга, который и просил меня задержаться.

– Эй, Дядь Юр!, – грозно окликнула я смеющегося мужчину. – Что вы сразу то так?!

– Мелочь, успокойся, – вытирая слезу, которая набежала от смеха, хирург осмотрел меня с ног до головы. – Ты вся растрепанная. Да и не стоит будить все наше отделение. Давай лучше посидим поиграем в шахматы?

– Дайте хвостик перевяжу и задам вам жару, – каждый раз вспыхивая только больше, взялась за резинку.

Да, вид у меня, конечно, был сонный, но отомстить за столь долгий смех над собственной персоной я должна. Поэтому, убрав волосы, вернулась на стул, выбирая белые фигуры для игры. У нас была вся ночь впереди, которая обещала быть спокойной.

Вот, доска на столе, фигуры расставлены согласно правилам. Первый ход был за мной. Шахматы – любимое мое занятие, хоть играть профессионально я и не училась. Не видела в

этом смысла, чтоб делать из хобби свое полноценное дело. Поэтому, любая игра у меня была без особо высоких ожиданий. По очереди стали ходить, порой забирая фигуры своего оппонента. Так же в таких партиях мы могли спокойно обговорить новости, рассказать анекдоты, которые были услышаны у коллег или сокурсников. Да, хорошее времяпровождение, как же его всегда приятно вспоминать.

Так мы провели время до пяти с половиной часов утра. Да, начинался новый день, рассвет наступал. Каким же он тогда был прекрасным. Мы стояли у окна, Юрий Михайлович курил, а я просто наблюдала за красотой природы и наслаждалась свежим ветерком, который бывает только в рассветное время.

– Дядь Юр..., – тихонько, словно боясь прервать тишину утра, начала я.

– Чегось, Ксень?, – ласково, так же шепотом поддержал начало разговора хирург, стряхивая пепел в пепельницу.

– А вы возьмете меня своей медсестрой на операции? Я честно все знаю, буду вам только полезна!, – умоляюще посмотревши на него, не сводила с него взгляда я. Сейчас и вправду могла показаться обычным ребенком с горящими глазами, который наконец-то сможет идти работать, получив образование.

– Вот получишь диплом, сразу иди сюда работать. Буду твоим наставником и дальше, – ухмыльнулся Юрий, вновь затянувши дым от сигареты.

Мы продолжили наблюдать дальше опять в полной тишине, слушая пение птиц, которые еще спокойно летали над стенами больницы.

Ночь прошла без происшествий, поэтому и утро такое прекрасное. Солнце довольно быстро поднялось над крышами домов, обогревая все вокруг. Уже была моя смена, но я задержалась до 12 часов, чтоб получить подписанный отчет о моей последней практике. Теперь я могу полноценно вернуться к моему привычному графику и работать. На пути к выходу со всей грудой бумаг, не могла не столкнуться с моим теперь уже полноценным наставником.

– Уже уходишь, Ксень?, – улыбнувшись, он подошел и обнял меня.

На улицах города прозвучало страшное оповещение. Никто подобного даже не ожидал. Германия, с которой был подписан акт о ненападении, без объявления войны пересекла государственные границы Советского союза. Это было страшно, ведь никто не был подготовлен, что обычный летний день станет началом необычайного по своим масштабам события. Даже в самой больнице начался переполох: больные, да и сам медперсонал, желали узнать, что же происходит. Это был немой вопрос, читающийся на лицах абсолютно всех присутствующих.– Да, Дядь Юр, но скоро вернусь по..., – и я даже не успела договорить.

Оставшись наедине с одной собой, я сделала запись в своем журнале, который стал моим отчетом и в дальнейшие дни.

«Как же страшно... Что надвигается? Неужели и вправду придется воевать? А что будет с медицинскими работниками? Как мы продолжим? Кажется, у меня больше вопросов, чем есть на данный момент ответов...»

Глава II: Блокада...

«Уже прошло четыре месяца с начала войны... Как и предполагалось, это очень страшно, когда тебе каждый день доносят о пока плачевных результатах. Наш город взят в блокадное кольцо, пока только первые дни, а уже жуткие бомбежки. Еды мало, даже не знаю, насколько хватит ее...»

Опять пришлось отложить журнал, пряча в тайное место. Да, город за несколько недель изменился до неузнаваемости: здания обваливались от постоянных бомбежек, люди многие без выходных работали, чтоб хотя бы кусочек хлеба получить. Про больницы я и вовсе молчу. Больных с каждым днем становилось все больше. Различные травмы или сезонные болезни атаковали население, не щадя даже самых юных жителей. Мы работали без перерывов, хотя никто и не возражал. Отдать даже полуразрушенный город нельзя, это будет опасно для всей страны. Каждый житель блокадного уже города понимал, поэтому и работали на благо всей страны. Самые слабые уже умирали, трупов на улицах уже было немало. Жить было тяжело, близилась зима, а следовательно придут и новые болезни, которые будут вызваны ослаблением иммунитета или сезоном болезней. А люди и так еле держались. Родители порой оставляли детей полностью одних на сутки, а может и более.

Я отказалась уехать из блокадного города. Не брошу я так легко свой родной город. Сделаю все, что в моих силах, для его защиты. А все, что в моих силах, крылось в помощи жителям в борьбе с болезнями. Приходилось брать на себя много пациентов, за которых я и несла ответственность. А порой, наводящие бомбежки заставляли укрываться в бомбоубежищах. Да, страшно было, когда надо всех успеть перевести в подвал. Работать приходилось практически в полевых условиях. Сам Юрий Михайлович добровольно отправился на фронт, оставив свою жену и детей, поэтому в больнице больше я его не видела. Было страшно даже подумать, что он может не вернуться домой, где ждали его родные люди. Но благо, сейчас ее прервали от таких мыслей, опять привезли раненных людей с оборонных линий. Девушка тут же пошла туда. Да, криков да стонов от боли было очень много, вся больница была будто соткана из этих звуков и мольб о милосердии и помощи. Медицинский персонал старался каждому оказать необходимую помощь, поддержку. Я работала без выходных, поэтому и успевала послушаться подобного. Но вот, к нам привезли двух парней. Генетически, это были близнецы, да и внешне они мало чем друг от друга отличались. У одного пробита выстрелом рука, а у второго все ноги будто утыканы пулями. Удивительно, что он еще мог ими двигать. Но тем не менее, они не кричали от боли, не скулили, а, наоборот, только говорили и обсуждали веселые истории с фронта. Кто сколько зацепил выстрелами, кто в штыки принял. В общем, унывать они даже не собирались. Этим настроением они заражали и меня, и окружающих их пациентов. Придя на осмотр, я села между их койками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.